

ТЕОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

DOI10.25991/VRHGA.2019.20.3.017

УДК 233; 371.4; 304.

*Иером. Мефодий (Зинковский), иером. Кирилл (Зинковский)**

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ОБОЖЕНИЕ КАК ЦЕЛЬ ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

В статье в контексте сравнительного рассмотрения парадигм современного секулярного и теистического знания и образования утверждается перспективность религиозной парадигмы и ошибочность ее противопоставления идеалам научного прогресса, неспособного «изнутри» решить все вопросы человеческого бытия.

Авторы показывают необходимость жизненной сверхзадачи и высшей истины в любой мировоззренческой системе и разрушительность снижения высоких идеалов образования, их замены исключительно прагматическими целями. В основаниях современной секулярной парадигмы авторы усматривают повторение запечатленной в Библейской истории ошибки праотцев, устремившихся к решению жизненной сверхзадачи вне Бога. Христианское мировоззрение предполагает иной путь решения сверхзадачи в рамках обожения, понимаемого как динамическое единение человека с Богом и с себе подобными. Основанием возможности обожения является исходная со-образность человека Творцу, а воплощенным идеалом обожения — Личность Христа. Во Христе и в Его Церкви стремление к обожению может быть достигнуто безопасно, а сверхзадача реализована планомерно.

В качестве центральной в обеих парадигмах рассматривается идея личности, но отмечаются кардинальные различия в понимании личностного идеала и путей развития личностных качеств. В числе рассматриваемых различий: способ приобщения к знаниям, отношение к личному общению и бытийному единению с другими личностями, свободе и воспитанию воли.

Христианский подход к образованию несет высший идеал гармонично развитой личности человека с созидательной жизненной позицией, исходящей из принципа общечеловеческого блага в свете метафизического призвания человека, достигаемого посредством действительного приобщения Источнику бытия — Богу. Как вершина

* Иеромонах Мефодий (Зинковский Станислав Анатольевич), доктор богословия, доцент кафедры теологии, Русская христианская гуманитарная академия; m.zink@yandex.ru; Иеромонах Кирилл (Зинковский Евгений Анатольевич), доктор богословия, доцент кафедры Теологии, Русская христианская гуманитарная академия; ierej.cyril@mail.ru

самопознания, миропознания и богопознания, обожение рассматривается как цель цело-жизненного нравственного и аскетического пути человека. Оно начинается в земной человеческой жизни, хотя полностью будет реализовано в будущем веке.

Ключевые слова: человек, общество, научный прогресс, образование, знание, информация, христианство, секулярная и религиозная парадигмы образования, жизненная сверхзадача, обожение, личность, личностные качества, Христос.

Hieromonk Methody (Zinkovskiy), hieromonk Kirill (Zinkovskiy)
MODERN EDUCATIONAL GUIDELINES AND DEIFICATION
AS THE GOAL OF CHRISTIAN LIFE

In the article in the context of comparative consideration of paradigms of modern secular and traditional theistic knowledge and education the perspetivity of religious paradigm and the fallacy of its opposition to the goals of scientific progress, unable to solve “from within” all of the problems of human existence.

The authors show the necessity of life’s super-task and the highest truth in any worldview system and the destructiveness of reducing the high ideals of education, replacement of them by exclusively pragmatic aims. In the foundations of the modern secular paradigm the authors discern a repetition of the error of the forefathers imprinted in the Biblical history, who aspired to the solution of the vital super-task without God. The Christian worldview presupposes a solution to the super-tasks in the framework of deification, understood as a dynamic unity of man with God and with his own kind.

The basis of the possibility of deification lies in the original conformity of man to his Creator, and the embodied ideal of deification is the Personality of Christ. In Christ and in His Church, the pursuit of deification can be fulfilled safely and the super-task realized systematically.

The idea of personality is considered as central in both paradigms, but there are cardinal differences in the understanding of the personal ideal and the ways of personal qualities development. Among the differences considered are: the way of knowledge assimilation, the attitude to personal communication and existential unity with other individuals, freedom and training of the will.

The Christian approach to education incorporates the highest ideal of a harmoniously developed human personality with a creative life position based on the principle of the universal good in the light of the metaphysical vocation of man, achieved through actual communion with the Source of being — God. As the peak of self-knowledge, world-knowledge and God-knowledge, deification is considered as the goal of the whole-life moral and ascetic way of man. It begins in earthly human life, although it will be fully realized in the life to come.

Keywords: human, society, scientific progress, education, knowledge, information, Christianity, secular and religious paradigms of education, life super-task, deification, person, personal qualities, Christ.

1. Научные достижения как псевдо-причина отрицания религиозной парадигмы знания и образования

Общая тенденция современного образования, зародившаяся в Европе, а впоследствии принятая и в России еще в эпоху Просвещения, состояла в принципиальном и систематическом отходе от религии. Вместо вполне возможного включения рациональных научных исследований в некоторую единую систему, предполагающую теистический взгляд на бытие, вместо реализации неожиданных возможностей и интересных осмыслений веры в Бога в свете новых научных открытий была сделана ставка на «чистое» научное знание, не-

обремененное религиозными «предрассудками» («Дело просвещения включает в себя неизбежно и борьбу с религиозными предрассудками, начиная от самых темных суеверий и кончая самыми утонченными формами религиозной мысли и даже идеалистической философией» [21]). Однако заведомо нехолистическая система мышления, исключающая, весьма необоснованно и, как правило, априори агрессивное, теистическое понимание целей и основ бытия, не может дать в свою очередь полноценных ответов и на основные вопросы человеческого существования. Пытаясь обосновать бытие человека и окружающего его мира исключительно на «рациональных» основаниях, атеистический подход напоминает попытку Мюнхгаузена поднять самого себя за волосы, а говоря языком более строгим, попытку обосновать существование сложноустроенной системы исключительно ею самой, что противоречит ряду современных чисто научных положений, таких, например, как теорема неполноты Геделя (см.: [26; 37]).

Пафос развития заведомо атеистического знания сродни известной церковной практике духовной болезни т. н. неофитства, когда недавно пришедший к религиозности человек впадает в псевдо-духовные крайности. Однако постепенно, при правильном ходе дел, религиозный человек «остепеняется» и переходит к более рассудительным парадигмам поведения, позволяющим гармонично синтезировать в его жизни разные аспекты духовной деятельности и общения с людьми. Представляется, что пришла пора и нашему обществу, переболев болезнью своеобразного атеистического просвещенческого неофитства, не только перейти к более взвешенным оценкам религиозности как таковой, но и попробовать объединить теистическую систему мышления с различными достижениями науки и образования.

Отметим сразу: опасения ряда современных ученых и педагогов, что вера в Бога вместе с сопутствующими ей теистическими положениями может повредить чистоте научных исследований и адекватности образовательного процесса, нарушить принципы исследовательской непредвзятости и толерантности, являются явно нагнетенными «извне» под влиянием стереотипов современного менталитета. Эти опасения рождаются не самим рациональным мышлением, которое как таковое не может доказать атеистические аксиомы и опровергнуть теистические. Теизм и соответствующие ему воззрения касаются прежде всего нематериального мира, но, тем не менее, позволяют осмыслить материальный мир в свете понятий о Творце. Более того, чем более взвешены теистические воззрения человека, тем более подлинно толерантным он оказывается к инакомыслящим, в противовес, увы, нередким атеистическим давлению, и даже ерничаньям и издевательствам над верующими людьми. Показательно, что «страшное насилие» над сознанием и совестью верующих, осуществляемое «во имя» лишь частного, «личного» мнения атеистов, отмечал пытливый ум К. П. Победоносцева уже в XIX в. (см.: [30, с. 193]).

Ярким доказательством совместимости религиозных убеждений с трезвой научностью на фоне высоких моральных установок является наличие в новейшей истории человечества целого ряда солиднейших ученых, совершивших фундаментальные научные открытия, которые были одновременно глубоко верующими людьми и отстаивали нравственные принципы, ввиду угроз морали

от техногенной цивилизации (в числе их, например, И. Ньютон, Д. К. Максвелл, Д. Д. Томсон, М. Планк, М. Борн, святитель Лука (Войно-Ясенецкий), А. Эйнштейн, Н. Бор, П. Дирак, К. В. Гейзенберг и мн. др.).

Не погружаясь пока в богословские глубины и «философские пропасти» (см.: [16]) мировоззренческих размышлений о значимости теистических воззрений для цельности мыслительного процесса как такового, отметим, что подлинная религиозность позволяет человеку адекватно оценить и воспользоваться полученными научными знаниями. Так, верующие в Бога ученые были, как правило, против использования достижений науки для создания различных видов оружия и средств массового уничтожения и применения их политиками и олигархами для своих узких и зачастую весьма циничных нужд.

Например, А. Б. Нобель, изобретатель динамита, будучи христианином, серьезно переживал, что его изобретение было быстро востребовано на военных заводах и стало причиной гибели множества людей. Подобная ситуация сложилась и при исследовании ядерных процессов и возможности создания атомной бомбы Ю. Р. Оппенгеймером. Античеловеческое использование атомных бомб и появившаяся угроза ядерной войны угнетали ученого до конца жизни. Американский ботаник А. Галстон, разрабатывавший ускорение роста растений, изобрел химикат «агент оранж», неожиданно успешно использованный для уничтожения растений во время войны во Вьетнаме. Одновременно вещество послужило причиной страшных врожденных дефектов и болезней у сотен тысяч вьетнамских детей и взрослых. Узнав об этом, ученый шесть лет добивался и добился изъятия своего изобретения из оборота.

В современном обществе любой образованный человек, тем более ученый, «всегда будет связан с определенными институтами, в том числе с политическими. И его моральный долг состоит в своевременной и правильной нравственной оценке своей конкретной деятельности» [1].

Но современный мир, наряду с техногенным развитием, ставит не только перед учеными, но и перед обывателями, перед человечеством в целом, все больше вопросов такого рода, на которые вообще не предвидится очевидных для всех ответов. Например: до каких границ может дойти генная инженерия, не нарушив принципы морали? кто и когда может принимать решение об отключении больного человека от жизнеобеспечивающих систем? как относиться к эвтаназии по воле больного? и т. д. и т. п. Неужели атеистическая точка зрения имеет право единолично узурпировать право на решение столь неоднозначных и жизненно важных проблем, ссылаясь якобы на «прозрачность» узко рационалистического подхода к жизни? Ситуация осложняется при этом тем, что при растущей проблематичности современного существования «в новом современном мировоззрении образовались гигантские ножницы, где один конец — образование — не имеет никакого отношения к другому — воспитанию и сердечному духовному восприятию жизни» [36, с. 23].

2. Секулярная и христианская парадигмы образования: единство и различия

Необходимость существования жизненной сверхзадачи и высшей истины

О необходимости существования высшей или некоторой мета-Истины в любой мировоззренческой системе говорил тот же А. Эйнштейн:

Нашу естественную точку зрения относительно существования истины, не зависящей от человека, нельзя ни объяснить, ни доказать, но в нее верят все, даже первобытные люди. Мы приписываем истине сверхчеловеческую объективность. Эта реальность, не зависящая от нашего существования, нашего опыта, нашего разума, необходима нам, хотя мы и не можем сказать, что она означает [43, с. 132].

Присущее человеку метафизическое стремление к превосхождению себя, интуитивный поиск и потребность осмысления жизненной сверхзадачи, причем не отвлеченной, а воплощенной в живых образах [29, с. 169], порождают целую систему целей, ориентируясь на которые, постепенно формирует себя человек (в т. ч. в парадигме теистически ориентированного образования).

По наблюдению современных ученых, снижение высоких идеалов в образовании и замена их сугубо прагматическими установками разрушительны для человека. Подобные тенденции можно наблюдать в современных попытках внедрения культа потребления в сферу образования и устройства ее по образцу отношений «потребитель — поставщик услуг» в рыночной экономике (см.: [31]), что приводит к кардинальному искажению основных понятий педагогики. В рамках подобной парадигмы предается забвению понятие о высоком призвании педагога быть цельным образцом для учащихся или даже «детоводителем» по образу Спасителя. (Буквальное значение слова «педагог» (др. — греч. παιδαγωγός) — «ведущий ребенка». Как говорит христианский философ Климент Александрийский, «Логос есть всего Творец; и Педагог Он и Учитель» [19, с. 37].) Учитель начинает восприниматься лишь как «поставщик услуг по образованию». Он «теряет монополию на оценку результатов учащегося» и компетенцию «в передаче и интерпретации необходимого знания» [34, с. 12, 15], в то время как система образования рассматривается лишь средством обеспечения более «быстрого роста рынков» [32, с. 8]. Парадигмам с приниженными установками свойственно безразличие к проблемам духовного и нравственного воспитания [32, с. 21], что ведет не только к духовной дезориентации, культу богатства и денег [31], но и к снижению образовательного уровня в целом.

Ошибка праотцев в решении сверхзадачи вне Бога и ее повторение в секулярной парадигме

С точки зрения Библии, задача метафизического синтеза, «превосхождения себя», была впервые поставлена Богом перед праотцами человечества — Адамом и Евой. Ошибочной попыткой ее решения стало стремление праотцев стать «богами» через «простое» вкушение запретного плода познания добра и зла: «Вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт 3: 5). Поддавшись соблазну,

праотцы совершили попытку автономного движения к «превосхождению себя», но вне Источника своего бытия, в чем и выразилась суть так называемого «первородного греха».

Казалось бы, это все дела давно минувших дней, для кого-то вообще лишь «легендарные» события. Однако современная аксиоматика образовательных процессов в своем стремлении к своеобразно понимаемому «совершенству» во многом повторяет по принципу аналогии действие праотцев. Изолируя самые мысли о персональном Источнике нашего существования, она формирует некий идеал образованного человека или даже сверхчеловека и предлагает механическое улучшение человеческой природы через современные технические науки, информационные и биомедицинские технологии. Но природу человека и мира нельзя не только качественно улучшить, но и предохранить от постепенной дезинтеграции исключительно за счет «внутренних» ее потенциалов. Утверждать обратное — значит, по сути, спорить с реальностью второго закона термодинамики, отнесенной к миру и человеку в их целостности, согласно которому замкнутая система постепенно подвергается структурной дегенерации и не может за счет внутреннего ресурса изменить деструктивный ход процессов.

Христианский идеал обожения как жизненная сверхзадача

В христианской парадигме сверхзадача образования ставится в рамках учения об обожении. Обожение — тот высший идеал, реализация того «образа существования», ради которого и создан человек. В обожении, понимаемом как динамическое единение с Богом и с себе подобными, заключен для христианина высший и подлинный смысл человеческой жизни.

Основанием возможности обожения человека является со-образность человека Творцу, тот отпечаток в нас, «след» Создателя, который задает стремление образа к единству со своим Первообразом. «Душа человека, созданного по образу и подобию Бога, — пишет архимандрит Георгий (Капсанис), — стремится к Нему... потому что Сам Бог Святой вложил в него эту святую жажду... единения с Богом... Не имей он в себе образа Божия, его поиск Первообраза был бы бесплоден» [4].

О предназначении человека к обожению говорит все Священное Писание, называя людей «богами» по благодати (Ин 10: 34; ср.: Пс 81: 6), описывая «усыновление» людей Богом (Ин 1: 12; Гал 3: 26; 4: 5), призвание человека быть причастником Божеского естества (2 Пет 1: 4), образ и подобие Божие в человеке (ср.: 1Ин 3: 2, Рим. 8: 29; 1Кор. 5: 49; 2Кор. 3: 18; Кол. 3: 10), именуя человека храмом, вмещающим Творца (Кор. 3: 16).

В основе учения Церкви об обожении лежит также взаимосвязь между движением личности человека к запредельному Источнику своего бытия, предполагающим процесс со-образования образа с Первообразом, и движением Первообраза к Своему образу, наиболее ярко явленному в Воплощении: «Слово Божие, Иисус Христос, Господь наш, по неизмеримой благодати Своей сделался тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что есть Он» [13, с. 452]. Классическая формула об обожении человека содержится у святителя Афанасия Великого (IV в.): «Он вочеловечился, чтобы мы обожились» [2, 192 В]. Утверждая ос-

нования обожения в Воплощении Бога Слова, святитель Григорий Богослов (IV в.) говорит: «Уподобимся Христу, ибо и Христос уподобился нам; соделаемся богами ради Него, ибо и Он стал человеком для нас» [5, с. 18].

В свете идеологии образовательного процесса принципиальным моментом является христианское откровение о личности как Творца, так и человека. Вечная Личность Логоса, оставаясь Богом, становится истинным человеком, посредством ипостасного единения двух природ, и именно поэтому человечеству делается доступно обожение. Личность Христа является воплощенным идеалом обоженного человека.

Именно во Христе и в Его Церкви стремление к обожению как превосхождению себя может быть достигнуто безопасно, а поставленная сверхзадача планомерно реализована. В отличие от самонадеянного желания человека достичь обожения своими силами, в Церкви Христос дарует нам Самого Себя и «предлагает Себя желающим быть причастниками Его, дабы уже с тех пор мы смогли безопасно пользоваться стремлением к лучшему» [9, с. 181].

Святитель Григорий Палама (XIV в.), труды которого считаются средоточием христианского учения об обожении, подчеркивает, что обожение не состоит лишь в подражании Богу в моральной добродетели, но в реальном причастии человека Божественной жизни. В основе православного учения об обожении лежит различие, но не разделение, природы-сущности в Источнике бытия — Боге, и энергий, которые не перестают быть Божественными, несмотря на свое отличие от Божественной сущности. В таинственном единении с Богом обоживаемые человеческие личности «не просто улучшают [свою] природу, но, сверх того, приобретают саму Божественную энергию» [8, с. 92].

Вера в человека и исторический прогресс как продолжение жизненной сверхзадачи

Обращаясь к истории человечества, мы можем отметить, что концепция жизненной сверхзадачи нашла свое воплощение на всех ее этапах, во всех сферах жизни и культуры, в т. ч. и в самом явлении секуляризации. По словам протоиерея Василия Зеньковского,

нельзя сводить явление секуляризации к одному негативному источнику, к одной реакции против средневековья. Чтобы понять (а не просто осудить) явление секуляризации, необходимо уяснить себе тот положительный и творческий пафос, который одушевляет культурные процессы нового времени. Этот положительный и творческий корень секуляризации лежит в вере в человека, в вере в его творческую силу, способность к прогрессу, в вере в историю как путь и силу прогресса [12, с. 22].

Вера в человека на самом деле не противоположна христианству, но даже, можно сказать, образует его фундамент, «генетически» произрастая из учения о творении, Боговоплощении, а также предназначении человека. Идеалы обожения и вечной жизни как проявление высшей веры в человека способны преобразовать и изменять к лучшему жизнь общества. Однако, в противовес этому потенциалу христианского мировоззрения, ход современной истории все более подводит человечество в его повседневной практике к «отпадению от сознания своего вечного достоинства» [38, с. 112].

3. Личностный идеал и значение развития личностных качеств в секулярной и христианской парадигмах

О понимании личности и личностном идеале в светской и христианской педагогике

Существенное значение для педагогики любого направления имеет открытое именно христианскими богословием и философией понятие человеческой личности. Большинство современных систем образования утверждает, что педагогика в целом, как система, независима от религиозных предпосылок, и поэтому «общее учение о развитии личности и воспитании ее строится совершенно независимо от религиозных идей, всецело опирается на данные науки и на указания опыта» [12, с. 6], пренебрегая тем религиозным источником, который, собственно, дал миру высочайшее понятие «личности», превосходящее понятие «атома» или «индивида» человеческого рода («Религиозное понимание личностного начала в гуманизме было отвергнуто, однако сам термин “личность” прочно вошел в арсенал научного знания, хотя и стал использоваться в “век разума”, как правило, для обозначения не личности, а индивида» [3]).

Современная педагогика понимает личность не богословски, но только как некий аналог неповторимости, условной уникальности. Однако «педагогика, ощутившая в развитии личности ту таинственную глубину, силы которой не находятся в распоряжении личности, вплотную подходит к религиозной постановке педагогических проблем» [12, с. 11]. Свидетельства выдающихся педагогов о том, что «в человеке все “лично”» и таинственно «связано с центром души, с ее внутренним миром» [12, с. 7], приводят к необходимости обращения педагогики к основам христианской антропологии (см., напр.: [23]).

Личностный идеал в парадигме христианского образования — это, опять же, не отвлеченная идея, которой опасалась сугубо практически ориентированная мысль К. П. Победоносцева и других мыслителей, не абстракция «личностности», но явленная в Богочеловеке Христе конкретная историческая реальность, Живая Истина. Этот «личностный реализм» наиболее ярко раскрылся в жизненном опыте христианских святых, каждый из которых, обладая своим личным ароматом добродетелей, явил в себе действенность творческой силы Божией в исторических человеческих персонах.

Различие способа приобщения к знаниям

Современные системы образования опираются на механистические методики овладения «безличным», отвлеченным и даже самодовлеющим знанием. В христианской парадигме образование предполагает живое постижение личностной Истины — Христа, Который есть «Путь, Истина и Жизнь» (Ин 14: 6). Познание оказывается неотрывно связанным с определенным аскетическим усилием на пути уподобления Первообразу. Согласно опыту христианских учителей Церкви на пути познания необходимо прежде исцелить органы познания — ум и сердце человека, неспособные воспринимать знание полноценным образом без предварительного очищения (см. об этом: [14; 15]).

С точки зрения христианской антропологии, никакое знание не может быть в полной мере лишено религиозной, нравственной и воспитательной

составляющей. Более того, «знание, добываемое внешней ученостью», может оказаться «противоположным истинному» [10, с. 18, 60–62]. Значит, искусственно оголенное от своей нравственно-духовной оболочки, знание, оказывается, может обладать искажающим и обманывающим действием, «сбивающим с истинного познавательного маршрута и даже разрушительным по своему воздействию на сознание человека» (см.: [25, с. 87]).

Среди тенденций современного образования, которые не только противоречат христианской теологии образования, но и несут в себе большую моральную опасность, следует выделить также отношение к информации как к некоторой «вещи в себе» или самоценному феномену. Человек сегодня действительно существует и получает образование «в режиме постоянной обработки информации, так как информационные потоки в окружающем мире непрерывны». Более того, информация начинает восприниматься «как всеобщая генеративная основа природы и общества», являющаяся «безальтернативным ресурсом прогресса и благосостояния» [35, с. 32]. При этом забывается, что современный мир — это арена войны нового типа, войны даже не просто за внимание потребителя, не «войны за знание» (knowledge warfare), но «войны за мудрость» (wisdom warfare), т. е. за мировоззрение (см.: [18]). Это война за смысловое осознание и оценку человеческого бытия. Ее также называют «ноовойна», или «война смыслов» [33, с. 85]. (Экспоненциальный рост объемов потребляемой информации, а также сознательные усилия лидеров нового инфо-сообщества, если не подменить, то, по крайней мере, серьезно изменить реалии человеческой жизни, стали серьезным вызовом для сознания и психологии человека, неся с собою различные болезни человеческого духа.)

Значение личного общения

Любая педагогическая система говорит о важности личного общения, и особенно важно оно в религиозной парадигме, но современная педагогика постепенно все больше уходит от личного общения, переходя на электронные методы образования.

Уже сейчас моделируются системы образования будущего, в которых изменяются сами принципы обучения. Подобные изменения двусмысленно обосновываются тем, что «необходимость постоянного обновления компетенций переносит “центр тяжести” образовательной системы в сектор, где образование получают экономически дееспособные люди» [34, с. 8]. То есть только богатые люди, ради которых отечественная «система образования перестраивается (или вырождается) в рыночный сектор образовательных услуг» [32, с. 23], со временем смогут позволить себе персональное образование с личным общением с педагогом, а остальные будут проходить через интернет различные ступени образования как некий средний обобщенный уровень.

Таким образом, моделируется значительное снижение уровня образования большинства простых людей среднего достатка: эта система профобразования «будет “обеспечивать для каждого гражданина России возможность получить базовую профессиональную подготовку на востребуемом им уровне” [34, с. 22], — от коротких программ профессиональной подготовки до академического бакалавриата (и примечательно, что не выше!)» [32, с. 26].

Христианское же образование всегда ожидает первичной пользы от личного общения педагога с учениками, ставя на первое место сам характер этого общения и усвоение матрицы подходов к решению в том числе образовательных задач, а уже на второе — саму сумму усвояемой информации.

Бытийное единение с другими личностями

Современная педагогика не ставит перед личностью воспитуемого задачу бытийного единения с другими личностями, заменяя ее техническими приемами соучастия в тех или иных земных предприятиях. Также и идеи ограничения личности через единение с иными, самоотдачи и самоограничения во благо иных личностей не входят в цели безрелигиозного образования, тогда как в христианской парадигме эти качества признаются необходимыми для полноценного личностного развития воспитуемого.

Необходимость воспитания свойств самоотдачи и самоограничения во благо иных личностей как важнейших компонентов личностного бытия имеет свои основания в кенотичности Лиц Святой Троицы, одном из важнейших ипостасных Божественных свойств. Для описания кенотичности во внутритроичных отношениях святоотеческая мысль использует термин «перихоресис» (греч. «περιχώρησις»), означающий «взаимопроникновение», «круговращение» (основное значение греческого слова «περιχώρῃω», — обходить кругом [11, с. 1308]). Этот термин можно перевести также и как «взаимное уступание» Друг Другу (одно из значений слова «χωρῃω», от которого образовано «περιχώρῃω» — уходить, отступать, уходить (см.: [11, с. 1793]); «peri-» — приставка, значения которой: около, вокруг; сверх, через, совершенно, весьма [11, с. 1286]). Как пишет святитель Николай Сербский, Божественный кенозис выражается во взаимном «совершенном послушании» Лиц в царстве «совершенной любви» [28, с. 463], которая «по сущности своей есть отдание своей жизни возлюбленному» [39, с. 206], стремлении каждой из Ипостасей «в почтительности предупреждать Две Другие», в желании «послушанием умалиться пред Двумя Другими» (подробнее об этом см.: [24]). К подобному роду отношений призваны и человеческие личности в своем движении друг ко другу и к обожению.

Свобода как важная составляющая в религиозной и светской парадигмах образования

Воспринимая свободу как «тот воздух», которым только и «может дышать воспитание» [27, с. 36], современные педагоги боятся теистических парадигм образования, как несущих в себе возможность фанатического насилия над свободной личностью.

Однако принцип свободы в образовании не только не противоречит религиозной парадигме, но только в ней и получает свое подлинное назначение. Именно свобода является причиной выбора зла или добра человеком, поэтому процесс образования состоит в воспитании «духа как носителя “дара свободы” в нас, в умении свободно выбирать путь в сторону добра» [42, с. 115]. Более того, отвлеченная, ценимая как «вещь в себе», свобода индивидуума является своеобразным симулякром, нереализуемым в действительности.

Понимаемая вне религиозного мировоззрения свобода не получает бытийного основания, упрощаясь и примитивизируясь, и воспринимается лишь как относительно достижимая независимость («Либерализм понимает свободу как субъективную изоляцию» [20, с. 479]), как правило, подавляющая с неизбежностью независимость других субъектов. Христианская же педагогика рассматривает «свободу» не как степень «неограниченного» самовыражения или возможность ограничения свободы окружающих и степень влияния на них, что вольно или невольно нарушает законы нравственности, но как степень реализации личности через само-отдачу или бытие «для другого» по образу отношений Лиц Святой Троицы.

В христианском богословии основной принцип свободы неразрывно связан с понятием «общения» и состоит в гармоничном совместном обладании природой и ее энергиями. Все отношения Создателя с человечеством, от творения до обожения, совершаются Лицами Троицы в единой синергии.

В жизни тварных личностей максимальная реализация свободы происходит тогда, когда человек обладает своей природой не «для себя», а отдает себя Богу и другим человеческим личностям посредством своей природы. В этой самоотдаче индивидуализированная природа человека, преодолевая наследуемую через первородный грех самоцентричность, обретает свой смысл в движении к обожению как воплощению жизненной сверхзадачи.

Значение воспитания воли

Современная педагогика почти не занимается воспитанием воли, опираясь опять же на естественное мышление, рассчитывая, что «само получится как надо» в результате «отбора и конкуренции». Современные педагогические методики ориентированы отнюдь не на воспитание волевых качеств личности, а на стимуляцию «естественного» развития потенциальных способностей для развития умений пользоваться объемами информации. О воспитании волевой составляющей в современном образовании можно говорить лишь как о поощрении к «достижению успеха» ради успешной карьеры и т. д. Ряд методик современной зарубежной педагогики и психологии призывает и вовсе «отказаться от готовности к бою, от работы воли и от ее диктата» [22, с. 80].

В христианской парадигме образования значение воли и личного произволения в устремленности к высшему Идеалу является крайне весомым.

Согласно святоотеческому учению, к появлению дисгармонии в человеческом естестве при грехопадении привело именно искажение направленности воли, которая, по замыслу Божию, состояла в гармонии с волей Божией и должна была «избирать, желать и совершать то, что сообразно с нашею природою, с законами совести» [40, с. 336]. Как пишет святитель Феофан Затворник, через падение в человеке «произошло превращение. Куда направилась его воля? ...к себе. Вместо Бога человек сам себя возлюбил бесконечною любовью, себя поставил исключительною целью, а все другое — средством» [41, с. 374].

Не подвергнутая самовоспитанию воля человека неизбежно в той или иной мере будет «своенравной и преданной страстям» [40, с. 356], поэтому необходимо научиться «самого себя нудить на добро, как бы силою влечь и пре-

клонять к нему, уговаривать и убеждать свою душу способностью стремлений и расположений» [41, с. 114].

Христианская педагогика несет в себе высшие цели гармоничной само-реализации и воспитателя, и воспитуемого, пробуждает патриотизм, приводит к осознанию конечной цели человеческой жизни — великому замыслу Бога о человеке. Она хранит в себе и необходимые средства на этом пути, в т. ч. и для воспитания воли. Сопряжение воли человека и Бога в русле движения Божественной воли приведет к раскрытию неповторимой личности каждого человека «в едином теле своего народа, а также и всего человечества по образу единства Лиц Пресвятой Троицы» [17, с. 67–68].

Заключение

История последних столетий свидетельствует, что почти каждое поколение в стремлении к реализации в потомках своего жизненного идеала говорит о необходимости реформ образования. Однако вопреки растущему внимательному отношению к образованию, состояние его в современном мире оставляет желать лучшего. Фрагментарность, однобокость, утилитарность современного знания, на наш взгляд, коренятся прежде всего в оторванности образовательных парадигм от жизненно важных вопросов бытия.

Подобное положение дел подтверждает истину, что любая педагогическая система, лишенная теистических оснований, не только не содержит в себе исходного потенциала, способного возвысить человека до поистине высших, вечных целей бытия, но и не может в своей конечной потенции дать полноценное осмысление и парадигму гармонизации временного нашего существования.

Христианский подход к образованию несет в себе высший идеал гармонично развитой личности человека с активной и созидательной жизненной позицией, исходящей из принципа общечеловеческого блага в свете метафизического призвания человека, достигаемого посредством действительного приобщения Источнику всякого бытия — Богу. Как вершина самопознания, миропознания и богопознания, обожение является целью цело-жизненного нравственного и аскетического пути человека. Оно начинается в земной человеческой жизни, где «видимое есть некий оттенок и предначертание невидимого» [6, с. 668; 7, с. 637], хотя полностью будет реализовано в будущем веке [42, р. 21]. При этом подобная высшая цель существования не только не отрывает человека от выполнения его земных обязанностей и связанных с ними потребностей образования, но и придает вдохновение, творческую «изюминку» его подходу к задачам повседневности.

Динамическое, теистическое видение всестороннего образования и развития человеческой личности подразумевает развитие способности человека синтезировать в своей жизни духовную и материальную деятельность, в их взаимном обогащении. Это видение предполагает также воспитание личностного произволения посредством приобретения навыков осмысленного общения и стремления к актуализации бытийного единства с иными людьми (такого единства, которое не нарушает принцип свободы «другого»), развитие ответственного отношения к знаниям и потокам информации как таковым.

В настоящее время перед нашим обществом стоит задача разработки такой теоретической и практической парадигм образования, которые позволили бы осуществить здоровый синтез современного, политически и экономически неангажированного, трезвого научного знания и ключевых теистических и христианских положений в новую гармоничную образовательную систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. Наука и мораль. — URL: http://abramov28.blogspot.com/2011/04/blog-post_10.html (дата обращения: 24.02.2019).
2. Афанасий Александрийский, свт. Слово о воплощении Бога Слова // Migne J. — P. (ed.). *Patrologiae cursus completus (series Graeca)* (далее — PG): in 161 t. — Paris, 1857–1866. — Vol. 25: 95–197.
3. Буфеев С. В. Православное понимание личности // Развитие личности. — 2004. — № 2. — С. 97–111. — URL: <http://rl-online.ru/articles/2-04/432.html> (дата обращения: 25.03.2019).
4. Георгий (Капсанис), архим. Обожение как смысл человеческой жизни. — М., 2002. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Kapsanis/obozhenie-kak-smysl-chelovecheskoj-zhizni/ (дата обращения: 19.03.2019).
5. Григорий Богослов, свт. Слово 1 // Григорий Богослов, свт. Творения: в 2 т. — СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1912. — Т. 1. — С. 17–19.
6. Григорий Богослов, свт. Слово 45 // Григорий Богослов, свт. Творения: в 2 т. — СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1912. — Т. 1. — С. 661–680.
7. Григорий Богослов, свт. Слово 45 // PG 36: 624–664.
8. Григорий Палама, свт. О Божественном и боготворящем причастии // Григорий Палама, свт. Трактаты / пер. Р. В. Яшунского. — Краснодар: Текст, 2007. — С. 90–120.
9. Григорий Палама, свт. Омилия 60 // Григорий Палама, свт. Беседы (омилии) / пер. с греч. архим. Амвросия (Погодина): в 3 ч. — М.: Паломник, 1994. — Ч. 3. — С. 179–189.
10. Григорий Палама, свт. Триады в защиту священно-безмолвствующих / пер. с греч. В. Вениаминова. — М.: Канон, 1996.
11. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. — Т. 2.
12. Зеньковский В., прот. Введение // Зеньковский В., прот. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — Клин: Христианская жизнь, 2002. — С. 6–33.
13. Ириней Лионский, сщмч. Против ересей // Ириней Лионский, сщмч. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. — СПб.: Изд-во О. Абышко, 2008. — С. 7–537.
14. Иустин (Попович), преп. Гносеология святого Исаака Сирина // Иустин (Попович), преп. Собр. творений / пер. с серб. С. Фонова: в 5 т. — М.: Паломник, 2004–2007. — Т. 1. — С. 310–337.
15. Иустин (Попович), преп. Проблема личности и познания по учению святого Макария Египетского // Иустин (Попович), преп. Собр. творений: в 5 т. / пер. с серб. С. Фонова. — М.: Издательство Паломник, 2004–2007. — Т. 1. — С. 235–309.
16. Иустин (Попович), преп. Философские пропасти. — М.: Издательский Совет РПЦ, 2004.
17. Кирилл (Зинковский), иером. Волевые качества личности согласно святителю Феофану Затворнику // Вестник РХГА. — 2017. — Т. 18, вып. 2. — С. 54–68.

18. Кирилл (Зинковский), иером. Некоторые аспекты христианской аскезы в век информационных войн // Материалы X международной научно-богословской конференции «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки» 24–26 сентября 2018 г. — СПб., 2019 (в печати).

19. Климент Александрийский, свт. Педагог // Безрогов В. Г., Варьяш О. И. (сост.) Антология педагогической мысли христианского Средневековья: в 2 т. — М.: Аспект Пресс, 1994. — Т. 1. — С. 32–37.

20. Лосев А. Ф. Диалектика Мифа (Философское наследие. Т. 130). — М.: Мысль, 2001.

21. Луначарский А. В. Религия и просвещение // Труды Первого всесоюзного съезда безбожников. Стенографический отчет. — Вып. 4. — М., 1925. — URL: <http://lunacharsky.newgod.ru/lib/religia-i-prosvesenie/religia-i-prosvesenie/> (дата обращения: 18.03.2019).

22. Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. — СПб.: Евразия, 1999.

23. Мефодий (Зинковский), иером. Богословское понятие человеческой личности в свете педагогической науки // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. — 2012. — Вып. 3 (26). — С. 101–119.

24. Мефодий (Зинковский), иером. Кенотичность как ипостасное или личностное свойство // Материалы X международной научно-богословской конференции «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки» 24–26 сентября 2018 г. — СПб., 2019 (в печати).

25. Мефодий (Зинковский), иером. Религиозное образование личности vs атеистическо-деистическо-пантеистические образовательные модели // Вестник РХГА. — 2017. — Т. 18, вып. 2. — С. 83–93.

26. Нагель Э., Ньюмен Д. Теорема Геделя. — М.: КРАСАНД, 1970.

27. Наторп П. Г. Песталоцци. Его жизнь и идеи / пер. М. А. Энгельгардта. — СПб.: Изд-во газеты Школа и жизнь, 1913.

28. Николай (Велимирович), свт. Беседа в День Святой Троицы. Пятидесятница. Евангелие о сошествии Духа Святаго // Николай (Велимирович), свт. Беседы: в 2 кн. — М.: Лодья, 2003. — Кн. 2. — С. 462–477.

29. Победоносцев К. П. Вера // Победоносцев К. П. Московский сборник. — М.: Синодальная типография, 1901. — С. 164–183.

30. Победоносцев К. П. Идеалы неверия // Победоносцев К. П. Московский сборник. — М.: Синодальная типография, 1901. — С. 183–199.

31. Попков В. А. Современное российское образование в свете православной культуроформирующей парадигмы // Аналитика культурологии. — 2011. — Вып. 21. — С. 165–169. — URL: <http://anaculturolog.ru/journal/archive/item/748-39.html> (дата обращения: 25.02.2019).

32. Попков В. А., Жирнов В. Д. Российское образование 2020: Дорожная карта в никуда: учебное пособие для слушателей системы дополнительного профессионального образования преподавателей высшей школы. — М.: [б. и.], 2009.

33. Почепцов Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. — М.: Издательство Алгоритм, 2015.

34. Российское образование — 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях: к IX Международной научной конференции «Модернизация экономики и глобализация», Москва, 1–3 апреля 2008 года / под ред. Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина; ГУ — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

35. Складная А. Я. Знание как элемент информационно-культурного пространства // Инновации в образовании. — 2008. — № 9. — С. 31–36.

36. Смирнова Т. С. Записки письмоводителя старца. 3-е изд. — М.: Изд-во Сре-тенского монастыря, 2018.
37. Смородинский К. Теоремы о неполноте // Справочная книга по математической логике: в 4 ч. / под ред. Дж. Барвайса / пер. с англ. — М.: Издательство Наука, 1983. — Ч. IV. — С. 9–53.
38. Софроний (Сахаров), архим. Письма в Россию. — М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.
39. Софроний (Сахаров), архим. Таинство христианской жизни. — М.: Свято-Тро-ицкая Сергиева Лавра; Эссекс: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2009.
40. Феофан Затворник, свт. Внутренняя жизнь // Феофан Затворник, свт. Про-стые истины сердца. Внутренняя жизнь. Слова и проповеди. — М.: Правило веры, 2007. — С. 174–359.
41. Феофан Затворник, свт. Начертание христианского нравоучения. — М.: Из-дательство Правило веры, 2010.
42. Фетисов Д., иер. Понятие «духовно-нравственное воспитание личности» в со-временной светской и православной психолого-педагогической науке // Рязанский богословский вестник. — 2010. — № . 2 (3). — С. 108–117.
43. Эйнштейн А. Природа реальности. Беседа с Р. Тагором // Эйнштейн А. Собр. научных трудов: в 4 т. — М.: Наука, 1967. — Т. 4. — С. 130–133.
44. Lot-Borodine M. Doctrine de la déification dans l'Église grecque jusqu'au XIe siècle. — Paris: Éditions de Cerf, 1970.